

Делибаш Елизавета Александровна
Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
06.01.2005

- *Расскажите про Драбкину, что вы про нее знаете.*

- Про нее я знаю очень немного. Очень немного. Я знаю только то, что она была первой женой моего отца и об этом мне говорил его отчим.

В момент его работы здесь, в Петрограде. Вот. А потом... что это был недолгий брак, ну, может быть, даже и гражданский – вот этого я не знаю. Ну, тогда это... по-другому все воспринималось, как и сейчас. То есть... потом они разошлись. И, собственно говоря, с тех пор я только знала. Вот когда ее произведения какие-то выходили, у меня было желание просто написать, поинтересоваться о ней, но... Как-то это так и осталось на уровне желания. Так что связей у нас никаких нет, но отчим ее видел, знал, то есть, она, видимо, в дом к матери приходила. А больше я ничего не знаю. Потому что бабушка умерла, когда мне было мало лет, об этом со мной не разговаривала, а когда я уже вышла замуж за Иосифа... а отчим был отцом [родственные отношения объяснены в прошлом интервью], вот, тогда он мне сказал, что ты знаешь, кто был первой женой твоего папы? Первой женой твоего папы была Елизавета Драбкина. Как раз тогда вышли, по-моему, то ли «Черные сухари», то ли какое-то ее произведение. Ну вот он и сказал...

- *А о том, что она сидела вы знали?..*

- Ну, это я уже просто знала уже из истории... Да, это я уже знала по другим источникам, не дома...

- *А по семейным разным историям вы... вы знаете, а почему детей у нее не было?*

- Не знаю. Нет, вот про нее я говорю, что я не знаю, да. Я знаю, что... мама родила сразу, так что отец мог иметь детей... Не было причины... может быть, это время было такое, все-таки это было начало революции.

- *А, ну а дальше вы о ней ничего не знаете?*

- Нет, ничего не знаю. О Драбкиной ничего не знаю...

- *Помните, вы рассказали такой случай, что вы были пуганая, всех боялись и вот рассказывали случай про то, что вы сдачу, пять копеек вам лишние дали...*

- Да.

- *И что вы очень стеснялись и тетя когда послала вас отдать...*

- Отдать эти деньги...

- *Да, вот – вы не можете мне объяснить, чего вы стеснялись?*

- Я людей боялась.

- То есть, пять копеек тут ни при чем?

- Нет, пять копеек ни при чем. То есть, сумма меня не волновала. Меня не сумма, не стыд перед мизерным... тогда ведь и пять копеек были не маленькие деньги, все-таки, проезд стоил три копейки, вот... нет, я вообще была стеснительная. Может быть, это осталось у меня даже на всю жизнь. Я... вообще, в каких-то моментах я очень даже смелая. То есть, если это касается моих детей или если это касается каких-то обстоятельств в жизни, вот, например, в горах [ходила в туристические походы] у меня два случая было, когда я просто выручала мужчин. И нисколько не боялась. А вот придти к людям... Вот, например, мне надо бы было писать... вот когда я писала бумаги [запросы о судьбе] об отце и все – для меня это вот большое напряжение. Понимаете, вот о чем-то кого-то просить, что-то...

- *так в случае со сдачей вы же просите, вы возвращаете...*

- Я возвращаю, но мне просто было страшно. Это... обратиться к человеку, что я совершила такой поступок, взяла лишние...

- *нерегламентированные отношения вам были страшны, да?*

- Нет, не только, мне вообще вот написать... вот для некоторых это ничего не стоит, вот я знаю многих, кто пишет – вот они пишут ко всем людям письма, спрашивают.

А я знаю, что вот у меня лежат вот эти книги... где отец, фотографии есть – он среди чекистов... Ну, нужно было автору написать – откуда он это взял? Где этот архив – партархив или где? Я так ведь и не написала. Потому что... ну, что-то это у меня – это с детства, у меня какой-то... может, это передалось с тем, что, действительно, я... подсознательно, я не сознательно, сознательно мне никто это не намекал... Что я была все-таки... в детстве, напуганная, что мне надо было все время что-то быть настороже.

- *у вас было чувство опасности, страха, да?*

- Да. Было, было. Оно было всю жизнь со мной. И оно осталось. И мне это вот... просто так, ради себя – ради других я сделаю, а вот ради себя я... как-то это не могу. Причем это проявлялось всегда, я очень хорошо помню, когда я вот в комсомол вступала. И меня не приняли. А потом меня вызвали в райком. Не комсомолку, школьницу – это вообще смешно, тогда в девятом классе или в восьмом мы вступали, вот в райком вызвали. Я, конечно, очень боялась идти. Райком – это что-то такое там... Когда я туда пришла и увидела там знакомого человека – это вовсе не означало, что я расслабилась. Ну, вот он сказал, что из уважения к дедушке, - не к отцу, не к моим родителям, зная, что у меня арестованы родители, все-таки будет разрешение, я могу снова подать заявление и меня примут в комсомол. Но это была война.

- вы перестали бояться?

- Мне все равно было страшно, неудобно и я себя чувствовала очень... ну, неуклюжей, ущемленной, вот... это был какой-то внутренний страх, я не знаю – может быть, это осталось после обыска, когда я была ребенком, когда родителей забирали. А я осталась одна... Может быть, это осталось вот от того, что меня держали за ширмой, я чувствовала себя какой-то... я не знаю, это психологически – это надо психолога спросить.

- *Вы воспринимали окружающий мир как опасность, да?*

- Да, да.

- *Опасно вступать в отношения с людьми...*

- В контакты и что-то о себе просить. Именно вот такое. Кстати, это осталось у меня, пожалуй, на всю жизнь, потому что я могу сказать совершенно твердо, что муж у меня тоже очень мягкий человек, не умеющий... так за себя побиться и в какие-то моменты я знаю, что когда человек, ну выставляют на премию, или что-то, то нужно немножко похлопотать, то есть, поговорить с кем-то, встретиться с кем-то, еще что-то, особенно в старые времена, советские. И я знаю, что многие жены это делали, я этого никогда не делала. Мы никогда с ним, и в этом не расходились, мы никогда никак карьерно не могли... я на работу всегда устраивалась очень трудно – боялась придти, потому что мне часто отказывали. Понимаете, вот люди меня пугают и по сей день. Мне... вот сейчас, с врачами даже – я понимаю, что нужно деньги дать, я понимаю, что нужно прямо об этом сказать или там подарок какой-то – я это, может быть... ну, деньги я не даю до сих пор, а... подарок какой-то я когда приношу – чувствую некую неловкость за... то ли за себя, то ли за этого человека.

- А потом мы с вами говорили еще о том, как вы понимали арест родителей. – это же представление менялось в разные годы. А когда вы приехали в 38-м в Ленинград как вы понимали, почему арестованы родители...

- Уже в Ленинград... Я не очень... не могу сказать, что я это ощущала четко, потому что, в общем-то, так как это в семье скрывалось и об этом говорить было нельзя, я понимала, что они сидят, но я в силу возраста не знала, насколько это у многих людей, насколько это широко, насколько это там несправедливо – таких понятий у меня не было. Я знала только одно – что вот мама арестована, папа тоже... Папа может быть в чем-то виновен, но что он не враг – это точно, но он где-то что-то упустил. А мама - не виновата, это ошибка. Вот это я знала. ... и знала, что они арестованы, что об этом лучше поменьше говорить. И я не говорила. То есть, я в анкетах я никогда не скрывала. То есть в анкете я

всегда писала. Я старалась с подругами и с приятелями просто не говорить, где мои родители. Живу у тети и все, у меня родителей нет.

- *А как вы для себя понимали их арест...*

- Я все время ждала. Я, по крайней мере, мать ждала все время. И если я вечером попадала на улицу, я об этом уже говорила – я до сих пор, вот самое смешное, что я до сих пор ищу большую медведицу и смотрю на полярную звезду. Потому как у мамы в письме было написано, что ты смотри, вот сейчас я вижу полярную медведицу и... то есть, большую медведицу и полярную звезду и вспоминаю – вот до сих пор это у меня с детства. Если я попадала на юг, а я ходила в походы, и я обязательно посмотрю и вспомню. То есть, конечно, меня воспоминания не оставляли. Я этого не могу сказать – что я безразлично к этому относилась – я не могу сказать. Что я, мне было совершенно как-то легко – я не могу сказать. Но когда наступил 56-й год, и тетя мне сказала – Лиза, нужно писать [на реабилитацию]. Может быть, хотя бы мама вернется – я сразу села писать, потому что я считала, что мать должна была остаться жива, потому что у многих моих знакомых матери вернулись. Вот... Мы так и считали, что отца нет в живых, уже тогда понимала, видимо, тетя мне объяснила – я этого не помню, но...

- *А как она объяснила?*

- Она, наверное, она сказала, что она думает, что отца нет в живых. Ну, бумага была – без права переписки. Вот...

- *Подождите, а вот здесь уточнение – это была бумага? Или только устное...*

- Нет, нет... я не знаю, может быть, это сказал брат его, я не знаю, откуда этот слух, но... Но все-таки считали, что... что вряд ли жив – он бы дал бы о себе как-то знать. А от мамы все-таки письма приходили из Соловков, и поэтому какая-то надежда была. Хотя, последнее письмо, я помню хорошо эту фразу – «я погибаю, спасите мою дочь». Это было. И письмо был треугольник брошенный, я даже думаю, что когда она в Кемь попала, как-то... кто-то подобрал, какой-то человек и это было не тюремное письмо. Это точно мне бабушка сказала, что где-то она отправила. Где-то это...

- *я возвращаюсь к моменту вашего приезда в Ленинград – какое было самоощущение? Что вот несчастная девочка или...*

- Ну какое ощущение – я попала... Во-первых, я попала в новую семью, к тете. Которую я, конечно, знала до этого, но из всех сестер, я уже говорила, наверное, об этом, она была наиболее такой... ну, можно сказать, суровой... без сантиментов женщиной. Ну, судьба ей такую же жизнь уготовила. Ну, она вообще была самая решительная, самая такая смелая, пожалуй, из всех сестер. И когда я попала в ее семью... Я же три года жила на Кавказе, у меня же бабушка была очень со мной нежна и воспитывала меня так, очень... своеобразно, как женщина, в общем-то, такая... хотя она не имела детей, но вот она умела к себе располагать, вот... А здесь, у тети, такая была атмосфера... Дядя арестован был, вот только вышел. Ну, во-первых, мы тетю почти не видели. Мы ее почти не видели, потому что она до ночи там почти, до девяти там была на работе. Она тогда на металлическом заводе работала.

(перерыв в записи)

Я не все очень понимала в этой обстановке. Я понимала, что я должна жить здесь, я очень сдружилась сразу с ее дочерьми, моими двоюродными сестрами, мы вместе как-то... я ходила в школу, я быстро вошла в этот круг школьный, у меня появилась подруга. Но вообще я как человек, если вы знаете меня, я такой и осталась – я, в общем-то, контактная. И... ну, первое время в доме на мне были обязанности, но не так много, потому что была домработница до войны. Вот, и... ну, я просто трудно привыкала к этой жизни, дело в том, что я фактически приехала из деревни. И корова, куры и обязанности в саду и все это совершенно не то, что жить в городе, в семье, которая, в общем-то, сначала, пока дядя не был арестован, имела достаток, он капитан был второго ранга, это, в общем-то – тогда это был паек, это, в общем, деньги были... Он хотя и инженер, хотя он и строил

корабли, но он был военный. ... Но он арестован-то был всего... сколько он просидел – то ли около года, то ли месяцев девять, поэтому это не так долго.

- *А у вас было ощущение брошенности, несчастности, Как вы это для себя понимали, что у всех девочек папа и мама там...*

- Бывали моменты, бывали периоды, когда... ну там тетя что-нибудь как-то там строго поступала, я считала, по молодости, что это несправедливо, бывали моменты. Но часто появлялась там, в это время, очень часто была младшая сестра, моя тетя Рая, я ее по имени звала, она приехала из... в это время, ну, это время, когда выпускали. Она из ссылки вернулась с девочкой, которая родилась в ссылке, с моей сестрой Таней. Вот, она и смягчала эту обстановку. Я помню, что был как-то случай, я там ревела, чего-то еще, она мне сказала, что ты не должна обижаться на Соню, Соня вот столько детей и она всем все, как говорится, обихаживает, ну, и сказала, что вот у нее [у Сони] судьба тяжелая, и с мужем так – так как-то она меня успокоила. На меня это подействовало. Я вообще к человеческим отношениям как-то хорошо... А она была очень мягкой, кстати сказать, Рая была очень пугливым человеком, очень ранимым человеком, у нее такая тяжелая жизнь была в этом смысле, она рано потеряла мужа, на войне, он сразу погиб, и поэтому... она осталась с ребенком, в общем-то, ей не дали кончить институт, она потом кончала и надо было содержать этого ребенка и добиваться какой-то комнаты, потому что ей негде было жить. И так далее, и так далее. В общем, тут были всякие сложности у нее, ну, вот она в какой-то момент, вот пока с комнатой и все это, они с Таней у нас жили. И вот это, то, что нас много жило, потом еще была такая Искра, она и сейчас жива, Лапина, вот... Она... тоже ей тетя Соня помогала, она приехала... Она еще тогда не приехала, но я знала, что ей посылались вещи и все, потом тетя Соня наши вещички отправляла – там было двое детей, мы до сих пор связаны с этим... братом моей сестры, там был повторный брак, были дети. Я как-то считала это вот... то есть, мое несчастье и все остальные случаи – как-то, я считала, что вот это вот семья, что так и должны жить. Это скрашивало это... Ну, конечно, было ощущение, что я жду маму, я все время, что мама должна появиться, что у всех мама есть, а у меня нет – безусловно, это было. Почему-то я все время думала о маме, я не знаю, почему. Может, потому что я слишком маленьким ребенком осталась, может, потому что отца я мало видела. Хотя, в более старшем возрасте я отца очень хорошо вспоминала и видела лицо его, и вот... четко себе представляла.

- *А скажите, когда вы в комсомол вступали – у вас не было чувства дисгармонии по поводу этого... ну, может, как предательство...*

- По отношению к родителям?

- *По отношению к родителям.*

- Пожалуй, нет. Тут сыграло роль то, что, может быть, это у тети была защитная реакция, но... может быть, и нет – она верила, она была коммунистка до мозга костей и она нас все-таки воспитывала в том, ну, в понятиях вот, такие, какие насаждались в стране. И это было безусловно. Я безусловно верила ей и это сыграло роль. У меня были какие-то... и в институте, и в университете, а в школе, пожалуй, нет. Какие-то подспудные понимания, что что-то не так. Но я попала в такой период – 52-й год в университете, то дело профессора Марра, то космополиты, то еще что-то, и где-то в душе что-то такое все время было – ну что же это... Я была на том заседании, так сказать, когда каялись наши профессора, вообще это было очень противно... Вот... Я не понимала этого, никак не могла осознать – мы учили, я учила в свое время учение Марра, например, в старшем возрасте, а потом вдруг я должна была учить эти вопросы языкознания Сталина и все. Конечно, у меня были какие-то уже... Но сказать, чтобы я тогда все понимала – нет. Тогда я считала, что я должна вступить в комсомол, хотя, вот интересно – в партию я никогда не вступила. Я уже даже будучи, работая и все, как только я выбыла... даже, даже я помню свои слова – слава богу, я уже не комсомолка. И комсомольский билет, и мое это личное дело и все – у меня это дома, я их... я, приехав из станицы [Краснодарского края] – я не пошла в райком и не встала на учет. Я была довольна, что я от этого...

- *Это сознательно?*

- Это сознательно.

- *А как вы это объясняли для себя?*

- Ну вот, я говорю, что у меня уже возникли какие-то ощущения, сомнения, несправедливость с родителями – это я уже начала как-то ощущать, понимать. Я не знаю, как – может быть, это где-то... ну, не где-то, люди стали возвращаться. Тетя Соня пыталась скрыть, вот Касимов, это довольно известный человек, приехал к нам, мы с его женой, тетя моя дружила, тоже помогала этой Доре с ее детьми, вот, он приехал к нам, нас, детей, выгоняли, когда он рассказывал. Но все равно мы слышали из другой комнаты, и я помню его фразу, что, Соня, что ты меня спрашиваешь? Это хуже фашистских застенков. Я помню эту фразу. То есть, уже какие-то, ну, моменты мы понимали... и потом тетя Соня говорила, что... может, твоя мама и не выжила, потому что в лагерях было очень-очень... тяжело, и даже эта фраза о фашизме, как в лагерях, она говорила. То есть, стали какие-то... Хотя она до конца своей жизни, она же потом была персональным пенсионером, как член партии с 29-го года. Ее же восстановили и она попыталась восстановить и восстановила свою партийность, вот, правда, это деньги были небольшие, прямо скажем, тогда это восемьсот рублей, даже и сейчас восемьсот рублей пенсии - это тогда была маленькая. Но она по своей работе больше и не могла иметь, а это было выше, она бы имела еще меньше.

- *Скажите, как вы решили для себя, что вы в комсомол не вернетесь...*

- Но и в партию я не собиралась. - Мне предлагали десять раз.

- Нет, про комсомол... – вы кому-нибудь об этом говорили?

- *О том, что я не в комсомоле?*

- *Нет, о том, что у вас комсомольский билет остался на руках, что вы самостоятельно выбыли...*

- Дома знали, знали, и муж мой знал. Я уже вышла замуж, муж мой знал.

- *И как он к этому?*

- И он считал, что я права, он был комсомольцем, но не вступил в партию.

- *А знакомым кому-нибудь вы говорили об этом?*

- Может быть, даже и говорила. Я тогда не очень это скрывала, но, конечно, я не афишировала.

- *Но решение вы приняли сама?*

- Да, сама, самостоятельно приняла решение, что я... в партию не пойду, и в райком [комсомола] я не пойду вставать на учет и не встала. У меня и сейчас где-то билет, то есть, не где-то, а дома лежат.

- *А скажите, как в партию вам предлагали вступить, это когда было?*

- Я работала, я в какое-то время, сначала я работала в библиотеке, мне... в детской. Мне предлагали вступить. Я сказала, что я еще не готова. И вообще, я даже, по-моему, советовалась с тетей, ей я сказала – вот я не хочу в партию, как мне... Она говорит – просто отказываться нельзя. Скажи, что ты недостойна, что ты не готова. Потом когда я работала на металлическом...

- *Это какой год был, когда вы работали в библиотеке? Ну, примерно...*

- Шестидесятые примерно годы. Вот, мне предлагали вступить и я сказала... Хотя я понимала, что если я вступлю, как и мой муж понимал – если он вступит, то он сможет быть, например, зав. лабораторией. А не вступит – ничего не получит. Да еще с фамилией [еврейской]. Вот, но он все-таки не вступил.

Это мы уже сознательно. Совершенно, и мы понимали, что мы лишаем себя [карьеру]... На заводе мне предложили, даже больше, несколько раз ко мне приходили, потому что я тогда вела большую работу... даже статьи у меня были – я по технической информации, вот, работала, связана была с Центральной технической библиотекой, которая была в этом... там листок выходил, я там печатала... Которая в Михайловском замке-то... библиотека. Но я тогда сказала, что нет, я, во-первых, недостойна, во-вторых, у

меня с родителями неизвестно что, я на это уже стала ссылаться... Ну, в анкете было написано ... Предлагала мне заведующая, потому что... Ну, у нее были какие-то виды на меня, а я была не член партии.

- *Но у вас никогда не было сомнений, это были только формы отказа, да?*

- Да. Сомнения, что вступить? Никогда не было, то есть, я не вступаю и все.

- *то есть вы придумывали просто разные причины...*

- Причины, да, я придумывала причину. И один раз у меня, до того, как я на металлическом работала, я работала очень недолгий срок в библиотеке Маяковского, очень недолго. Я работала в должности... как она называлась – инспектора детских библиотек. По детским библиотекам, методиста детских библиотек, у меня такая должность была. Методист по детским библиотекам. Вот, но я там очень... там такая Мухина была начальницей отдела и я как бы у нее была вторым работником, надо было писать сценарии для всяких там массовок, утренников, я не знаю, чего, вот, она требовала... ну, она была такая ярая не только коммунистка, она и вообще очень догматичный человек, очень сложный, и у меня сразу с ней возникла, я все-таки, видимо, более творческий, мне это ее шоры и это казались какой-то дикостью, бескультурьем – очень быстро у нас с ней возник конфликт, чего у меня ни на одной работе не было, я до сих пор, я вот на трех работах работала, я до сих пор с людьми – мне звонят, мы общаемся и у нас общие интересы, кроме вот этой вот женщины. И тогда заведующей библиотекой Маяковского была Глаголева, я пришла к ней и сказала, что я подаю заявление – я проработала буквально месяцев шесть. Но уже там, когда я к ней пришла, она сказала – вам надо вступить в партию. Раз вы работаете методистом города, вам надо вступить в партию. Я сказала, что... Я ей сказала, что нет, я еще не доросла до этого. Ну, я всякую ерунду говорила. И я пришла к Глаголевой и сказала, что ухожу, она говорит – почему? Мне так жалко, у нас вообще... А потом она мне сказала такую фразу – вы знаете, вы не первая, которая уходит.

- *Скажите, вот когда вы придумывали разные причины, почему вы не вступаете – как вы считаете, люди, которым вы это отвечали, они верили в эти причины или прекрасно понимали, что это отговорки...*

- Нет, они знали мою анкету и прекрасно понимали, что у меня будут затруднения с вступлением в партию. Это во-первых. Ну, а некоторые реагировали правильно.

- *это получается такая игра? Вы не могли сказать, что вы не хотите вступить в партию, потому что эта партия там такая-сякая, плохая...*

- Этого я не могла сказать. Да, да, это безусловно.

- *Взаимная игра?*

- Взаимная... Причем это на разном уровне. Ну вот я говорю, что была неприятная женщина... я, теперь осознаю, что она могла пойти и на доносы, и на... вот это такого стиля человек, который мне был изнутри неприятен. Мы с ней никогда не переходили на... такие отношение. Все было нормально. Но она внутренне была лживой, я очень не люблю людей, которые говорят одно, делают другое, а потом говорят третье. А она была в своем поведении вот очень лжива. Она могла вот сидеть с кем-то говорить, потом человек уходил и она мне говорила гадости какие-нибудь – это меня сразу насторожило, чего я никогда не делаю и сама, и не люблю в других. И уже у меня к ней не было доверия.

- *Скажите, а когда вы тетю спросили, как вам аргументировать невступление в партию – а вы тете-то сказали, что вы просто туда не хотите?*

- ... по-моему, я как-то с ней на эту тему не говорила, но по-моему, ни одна из наших сестер... моих сестер не вступала в партию. Вот, хотя она такая истинная коммунистка. По-моему, она придерживалась все-таки она была разумный человек, при всей своей вере, она не... не могла расстаться с юношеской мечтой. Это же надо понимать, что люди, которые вошли в революцию в молодости, они все-таки имели некую мечту, помимо всего прочего. И предательства за ней не было, она, например, не очень боялась – она дважды ходила, она же дядю из тюрьмы просто выбила – ездила в

прокуратуру, и всюду, и доказала, то он там невиновен. Как это можно было в те времена сделать, я не знаю, но она дошла до очень многих. И про нее, как ее фамилия... Ольга, Ольга... ну, довольно известная, она потом была... Шерстинская, такая кажется... но это очень известная фамилия, она была потом в этой вот в реабилитационной комиссии в Москве... Это тетина подруга, она говорила, что смелостью можно продавить, потому что она [тетя] нарывалась на арест, вот. Но она все-таки этого добилась, она... Но при этом она считала, что мы должны поступать, как мы хотим. Нет, давления с ее стороны не было никогда.

- *И когда она вам подсказала эту формулировку «не готова», то она понимала, что вы, ну, просто не хотите туда вступать?*

- Да, она понимала. Да, она просто подсказала, эта формулировка сама по себе родилась, но она сказала, что я правильно говорила. Что на рожон лезть не надо... То есть, я хочу сказать, ни моя тетя, ни я, никто диссидентами как таковыми не были, хотя я общалась с такими людьми. У меня в самом начале, в Университете были друзья, там девочки, с которыми я приходила и мамы занавешивали окна, сидели – разговаривали, были. Я так... но дело не в этом, а... ну, не было во мне такого сопротивления...

- *А вас взгляды тети не задевали?*

- Нет, нет, я ее достаточно уважала.

- *И взгляды ее, и ее партийность тоже уважали?*

- Ее партийность и коммунистические взгляды... да, пожалуй, я и сейчас их оправдываю... ну, я считала, что она тогда жила и жила своей жизнью, и жила как все в стране жили, в общем-то. И потом ее работа, и она кончала... высшую партшколу вот эту имени Свердлова, в Москве. И работала на партийной работе, а потом перешла на профсоюзную. Она просто была такой... ну, профсоюзный работник, если можно выразиться – это ее работа, это ее...

- *И в молодости – не было? Вы не считали, что она верит во всякую...*

- Нет. Нет, не было. У нас это... как вам сказать, в семье это не воспитывалось. У нас еще от бабушки, от деда и... я же все-таки в тех условиях воспитывалась, и у нас очень уважение к старшим в семье воспитывалось.

- *А все-таки мне не очень понятно...*

- Вот этого молодого задора, который сейчас есть в юношестве, презрительного – у нашего поколения не было.

- А как скажите, все-таки – как она относилась к врагам народа? Она вообще считала, что вообще враги существуют?

- Я думаю, что... по крайней мере, она говорила так – что ее близкие друзья и ее родственники не были врагами народа. Это – ошибка.

- *А другие?*

- А были ли другие – она об этом, может быть, и задумывалась, но нам не говорила. Понимаете, все-таки это была тема, о которой много говорить нельзя. Но как только стала отдушина в 56-м году, первое, что она мне сказала – садись, пиши письмо в НКВД. И когда я получила ответ, что они виновны, она сказала – через некоторое время напиши опять, что я и сделала. То есть, она не поверила в этот ответ.

- *как вы думаете, как вы уже теперь считаете, она верила в то, что другие были враги?*

- Нет, она не была такой... Она, я думаю, что... вообще, во всеобщую эту вакханалию она все-таки где-то внутри разумом понимала, что... наверное, это на нас на всех и отразилось, потому что мы и не в партии. Понимаете, это не говорилось открыто, это не нужно было говорить – это где-то было подспудно, она не осуждала людей, которые арестованы. Она им помогала. Она помогала вот этой Лапиной, не только дочери – она не боялась общаться с людьми, которые в ссылке. Она связана была и вот с тетей Ниной, и после выхода эта Нина... дочь, жена Ивани, вот эта фамилия известна, вот, она продолжала с грузинскими своими друзьями вот общаться. Она их всех поддерживала,

она всем как-то помогала, если надо, пока у нее были возможности, потом-то мы жили довольно бедно. Вот... она поддерживала, вот когда дядю Васю арестовали – не только его арестовали, ее мужа, а арестовали там еще каких-то офицеров. Она с ними [с их женами] как бы... говорила, что надо идти, добиваться, чтобы мужей освободили – это я знаю просто... Вот, так что... ну, нам она не говорила, что остальные враги, никогда. Она даже про моего отца говорила очень осторожно – что может быть, он в чем-то виноват, потому что он, как она помнит, был связан с какой-то платформой.

- ... *допустим, он связан с платформой...и что?*

- Ну, что там расстрелять или что – она не считала... Может, политическая только, только то, что он был с платформой, но что он не был врагом, в смысле, террористом или как там назвать – она не считала. Она считала... она говорила, что Александр, твой папа, очень мягкий человек.

- *То есть, она считала, что он может быть виноват, что у него там была платформа, но это не причина для ареста, так?*

- Да, да, наверное, так. Она вообще и про других тоже считала, что это не причина для ареста. Что не могли они быть там вредителями, про многих – то есть, такое количество многих она знала, что они не являются вредителями, что, наверное, у нее... Но она просто с нами не беседовала на эту тему.

- она считала, что партия права, что оппозиция – это нехорошо, но это не причина для ареста и расстрела, так?

- Да. Да. Наверное, так. Я не могу сказать это твердо, потому что я с ней не говорила, но по ее действиям, по тому, как она старалась оправдать людей и прочее, и прочее – я считаю, что она все-таки, по крайней мере, все свое окружение, когда арестовали, вот когда она не попала, а почему она не попала – мы до сих пор не знаем, ну вот, а весь Калининский райком был арестован, вот, в котором она работала – а, она в то время уже успела перевестись на металлический завод, а на металлическом мало брали людей. То есть, брали, но все-таки завод как-то защищал... марка была.

Она не считала их, людей, которые с ней... Как и мой отец, кстати – в его показаниях, как написано – я не считаю его врагом, он не мог обмануть, понимаете, такие наивные вещи он пишет, что мне даже смешно – как они так могли думать. Он же мне дал честное слово – там где-то было написано у него. Я не мог ему не верить, он мне дал честное слово.

- *Что тетя говорила про Сталина?*

- Нет, не было разговоров.

- *Вообще, никогда?*

- Да.

- *То есть, даже какого-то упоминания?*

- Нет, нет. И я думаю, что это... совершенно сознательно, потому что в какой-то степени она боялась, что дети, даже юноши могут проговориться. А это она знала, что это очень опасно. Я думаю, что это защитная реакция как матери, как... ну, меня она тоже же считала своей дочерью. Нет, на эти темы мы не разговаривали.

- *А смерть Сталина для нее как была?*

- А меня не было здесь, я не знаю, как она восприняла, вот, я знаю про себя, что я... была в школе в это время и нас заставляли выставлять учеников в почетный караул. Я, конечно, переживала, что Сталин умер, но, конечно, я не плакала, учеников я ставила в почетный караул, это я не имела права... Сказать, чтобы я решила, что слава богу, что он умер – тоже не было, вот. Я с ужасом слушала... не сообщения, а вот рассказы о том, что столько людей погибло на похоронах, вот...

- *А как вы вот это, вот эти рассказы восприняли о гибели людей?*

- Я переживала, что люди погибли, вообще это безобразие, сколько народу...

- *Безобразие в чем вы чувствовали?*

- В том, что допустили вообще такое, что...

(перерыв в записи)

Нет, я про Сталина, когда умер... Ну, я не могу сказать, что я совсем вот так безучастна была. Я скорее, боялась перемен. Я не понимала, к чему это, вот его смерть.

- *А хорошего вы ничего не ждали? ждали плохих перемен?*

- Да. Я боялась перемен. А такого ощущения глубокого внутреннего горя и рыданий во мне не было. Я не знаю, чем это вызвано. Потому что, в общем смысле, я объясняю еще раз, что в доме у нас культа Сталина не было, портретов Сталина не висело, но... никто никогда не говорил и воспитывал нас вот в той русле и в школе я преподавала, в общем – если надо было учить песню «Джамбул», так я ее и... давала ребятам.

- *Скажите, сейчас, задним числом, как вы Сонино воспитание, советское, оцениваете – как оно было для вас? Не находится ли оно в конфликте с памятью о родителях*

- Нет-нет... У меня было хорошее воспитание. Само обучение, сама школа и близость с учителями, и сдача предметов, и все – я считаю, что оно было... ну, правда, мне трудно судить про младшие классы – я не училась. Потом, я переходила из школы в школу в связи с войной, с эвакуацией, поэтому у меня не застывало где-то, но я, например, понимала, что в Бийске школа гораздо слабее, и учителя, и преподавание, нежели были в Ленинграде, это я и сейчас понимаю, и тогда я чувствовала... Даже когда училась уже в Казани, в Казани я кончала седьмой класс, там довольно сильный коллектив был... Само преподавание было хорошо. Я не знаю, я, видимо, попадала в такие школы, я вот здесь в Ленинграде уже после войны кончала такая была 105-я школа, она известный директор, очень известная женщина, книжка у меня даже есть, и книга есть, вот... Я попадала все время к каким-то более творческим личностям. Поэтому не было такого...

- *Ощущения советскости, да?*

- Да. Мне везло в этом смысле.

- *А Сонино вот это советское воспитание – оно не находилось у вас вот в каком-то конфликте внутреннем?*

- Нет, она... Она очень мало на идеологические темы... то есть она старалась их не трогать. Вот у моей бабушки больше было воспитание моральных аспектов. Не солги, не обмани, не говори гадостей и глупостей, ну, и там... не обращай с людьми... все люди равные, не презирай людей там за какие-то... не важно, инвалид он или другой национальности, или вот... Очень широко в нашей семье, даже всегда это тетя [Соня] с каким-то восторгом говорила и все, что у нас очень многонациональная семья. Что в нашей семье есть все... кого только нет. У одной тети муж эстонец, у другой – еврей, у третьей – украинец, они сами грузинки и так далее. И это очень она как раз это любила. То есть, не презирайте никого, все люди хорошие – вот моральная сторона, да, и бабушка тоже, бабушка же умудрилась, в общем, при советской власти, при том, что родители арестованы, она же... и дед мне не только вот, я рассказывала об этом, библию каждый день, бабушка же мне читала и Евангелие, то, что нужно, и по крайней мере, заповеди я до сих пор помню, и даже страницу в Евангелии помню, где она мне их показывала. То есть, как-то вот моральная сторона в нашей семье больше привлекалась...

- *получается, что несмотря на то, что тетя была в партии, несмотря, что дедушка... вы получили не советское воспитание...*

- Я бы сказала, что... советское оно было, все-таки. Нет, оно было все-таки, потому что мы все-таки верили в какой-то коммунизм, какой-то... что что-то там будет, но с годами это рассеялось, потому что, вы понимаете, когда говорят, говорят, говорят, что что-то будет, и уже... уже когда был Брежнев, ну, не Брежнев даже, Хрущев – уже тогда независимо от письма о репрессиях Сталина, уже тогда мы смеялись, и анекдоты, и в общем-то, понимали, что он ерунду говорит. И я даже помню анекдот того времени, когда эти начали строить хрущевки, и говорили, что... потом это было, что армянское радио спросило, можно ли в туалете поставить детский ночной горшок... и армянское радио ответило – да, можно, если у него ручка внутри. И так далее, и что-то говорили про

Хрущева, что он влезть в лифт не мог, но, в общем уже это было совершенно другое отношение к власти. А в детстве все-таки... наверное, это в школе, я так думаю, не столько дома, как мы должны были уважать. И прислушиваться к тому, что говорит... чему нас учит Ленин... и даже не партия, как-то вот этого ни в доме, ни в школе не звучало – что партия, коммунистическая. У меня такое впечатление, что это потом как-то. Больше сейчас раздулось, вот, потом. А вот, на примерах там каких-то выдающихся личностей.

- *То есть, получается, что вы свое воспитание, в общем, считаете, хорошим?*

- Я считаю, что да. Я считаю, что воспитание было хорошим. ... самое главное, что я была не брошенная. И в этом, конечно, заслуга моих родственников... но не советской власти. Вот я теперь, как взрослая, осознаю, что это только заслуга моих родственников. Что я состоялась как человек, я считаю, что это благодаря... ну, родственникам, с теми или с другими характерами, с более суровым тети Сониным, другие тетки же тоже принимали участие, другие... еще Маргарита была, которая в Москве, они все немножко меня опекали. И я даже это понимала, что ко мне немножко как-то относятся не так. Меня иногда это, конечно, расстраивало, но это все это были поиски мамы.

- *И при этом все родственники – они не ввели вас в конфликт с памятью о родителях, да?*

- Ни один из них мне ни разу не сказал что-то плохое о моих родителях. То есть они не говорили – вот, эти враги народа, взорвали шахту, взорвали... То есть, вообще таких разговоров у нас не было.

- *Скажите, как вы считаете, все испытания, которые вам с такого раннего детства выпали – они как отразились на характере?*

- Знаете, что – у меня испытания были не только в детстве, а они продолжались очень долго, потому что... вот, то, что я была вот как-то должна была приспособливаться к жизни немножко иначе, чем другие, потому что после войны, например, я же тоже осталась в Ахалцихе одна. Дедушка с бабушкой за двенадцать километров жили, а я в школе училась, и снимала комнату и жила уже будучи ученицей и давала уроки ученицей, чтобы немножко денег заработать. То есть... ну, помогала им, готовила. Какая-то такая жизнь... это было тяжело. Было тяжело – все-таки, мне надо было самой себе приготовить, мне надо было себя обихаживать все-таки. Посмотрите на своих девочек в девятом там, десятом классе – то, что меня там в комсомол вот дергали – не с кем было даже посоветоваться. Хотя потом, будучи уже комсомолкой, я стала секретарем комсомольской организации школа. Но я была очень активный человек. Может быть, это меня спасало. Натура такая. Несмотря на мой вот такой страх к людям, когда я была среди людей, в комсомоле, среди своих вот ребят сверстником, я все-таки была лидером. И за них я могла пойти – побороться или там поговорить и там с директором... А вот я за себя, у меня страх внутренний свой был. И таким образом, с видом силы, я скрывал свой страх. Вот, это первое. Потом я поступала в университет. Это было большое испытание, потому что я... ну, во-первых, я приехала в Ленинград – мне не признали мой аттестат грузинский, мне пришлось еще год учиться, вот. Потом я поступала в университет. И опять же, за мной тянулся шлейф, что родители арестованы. Я же не попала туда, куда хотела. И я понимала, почему. Сдала-то я хорошо. И вдруг я попадаю в другую группу. Конечно, мне было неприятно. Конечно, я ощущала некую какую-то... ну, дискриминацию, если так можно сказать. Потом я должна была пойти в аспирантуру. И я вместо этого поехала преподавать в Краснодарский край. Только потому, что, опять-таки, родители арестованы, и вообще, в это время было ленинградское дело и слава богу, что я уехала. Я бы была безусловно арестована, тут уж вопроса нет. Вот, я сейчас знаю, что я была бы, а тогда я не знала, что меня ждет, но знала, что надо уехать. Опять-таки, какая-то вот несправедливость по отношению ко мне все время существовала. И это, конечно, меня не делало счастливой. Потом я выхожу замуж, все хорошо, но муж еврей. А тут вся эта компания [борьба с космополитизмом]. Мужа не берут на работу, у меня уже рождается

ребенок. Мы очень бедно жили. И очень долго. Мы все время всегда считали копейку в кармане. Хотя он и работать уже, потом Иоффе его взял к себе и он работал у него. Ну, как работал, так и до сих пор работает, все вот, все у него, в одном и том же месте. Вот... все время у нас были какие-то... Потом у меня тяжело болел сын, то есть, у меня не было вот такой легкой жизни... Да, потом муж защитил докторскую – ему не дали денег. Это был двухсотрублевый доктор. А для того времени это очень... и так было много лет. Пока ему, наконец, не дали... вот когда ему дали четыреста, мы начали, наконец, немножко подняли голову, мне не надо было каждую минуту считать деньги в кармане. Но это продолжалось два-три года, или три года, я даже не помню, сколько, и тут эти все реформы денежные и все перевернулось – уже его деньги стали не деньгами.

Потом у меня погибает сын. То есть, у меня все время... жизнь меня все время не отпускала... вот такой, знаете, беззаботности у меня никогда не было. И, может быть, поэтому детство и отсутствие матери, и все – постепенно... вот по сей день я страдаю от того, что матери не было, все равно, у меня внутреннее какое-то есть. Но вот все эти жизненные какие-то перипетии, они, ну, может быть, немножко... как-то нивелируют, что ли, все это.

- *Ну а нет такого, что из-за того, что у вас было очень тяжелое детство, то вот все невзгоды более поздние вам легче было проживать?*

- Ну, может быть. Я была довольна... да, в общем-то, довольно стойкий человек. То есть, я никогда не ною. Ну, я на все смотрю довольно так, я большой оптимист, чем пессимист. Вот, это во-первых, потому что при моей жизни можно было давно впасть в депрессию и вообще, как вот у меня подруга, потерявшая сына, сейчас болеет и мы без конца ее должны вытягивать. Ну, и сейчас я не жду ничего хорошего после монетизации. Когда не сегодня-завтра муж уйдет с работы, тогда вообще на что мы жить будем – когда две с половиной тысячи стоят только мои лекарства.

- *А, эти детские испытания – вы считаете, что они дали вам такую возможность со всеми другими, которые были в жизни, сталкивались, проходить легче? Потому что это, ну, как бы закалка...*

- Ну, закалка у меня безусловно была. Безусловно была. ... не то, что легче – это, наверное, не легче, это зависит от каждого человека. Скорее, так. Каждый человек по-своему воспринимает. Один лелеет свои неприятности, а другой старается их поменьше чувствовать.

- *А вы как?*

- Ну, я внутренне переживаю... и сейчас я переживаю за внуков, мне не все нравится у старшего внука, и поэтому большие переживания у меня, хотя мама его [дочь моя] мне говорит, чего ты дурака валяешь... Ну, жизнь есть жизнь, я считаю, что жизнь есть жизнь. Самое главное, вот то, что у меня заложили все-таки и бабушка, и дед – что жить надо достойно, что достойным быть человеком. Человек должен быть достойным своего звания. Что он человек. А если я все время бы предавалась унынию и перемальванию, и все бы это – никакой жизни бы не было.

(конец записи)